

И. Н. Гребенкин,
доктор исторических наук, проф.
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

АРМИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Аннотация. Статья посвящена проблемам развития российского общества в начале XX в. и их влиянию на состояние обороноспособности страны. Рассматриваются особенности солдат и офицеров российской армии как представителей различных социальных групп. Показана природа социальных противоречий в армии и их значение для развития общественного и политического кризиса в России в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: социальный конфликт, офицерский корпус, социальная психология.

I. N. Grebenkin

WARTIME ARMY AS A FIELD OF SOCIAL CONFLICT

Summary: The article covers the problems of the Russian society development at the beginning of 20th century which affected the quality of national defense. The peculiarities of Russian soldiers and officers as representatives of different social groups are analyzed. The nature of social contradictions in the army and their significance for the development of social and political crisis in Russia during World War I are shown.

Keywords: social conflict, officers, social psychology.

Первая мировая война застала Россию на сложном и противоречивом этапе, когда процессы модернизации, запущенные великими реформами второй половины XIX в., развивались, но были еще далеки от завершения. Архаичные черты социальной структуры и аграрный характер экономики обусловили множество проблем, которые остро сказывались на всех сферах жизни государства, в том числе и на его обороноспособности.

Свойственные российскому обществу в начале XX в. сословное деление и социальное неравенство своеобразно отражались на жизни и взаимоотношениях внутри такого специфического социального организма, каким являлись вооруженные силы империи. Преимущественно крестьянское население страны обусловило преобладание крестьян либо связанных с ними групп среди рядового состава армии и флота,

который более чем на 90% комплектовался за счет крестьян (до 60%), рабочих и ремесленников (более 30%). Офицерский корпус всегда включал не менее 50% представителей привилегированных сословий¹. Столь разительные различия, естественно, разобщали офицерский корпус с солдатской массой, противопоставляли их в плане психологическом, культурном, ценностном.

По выражению генерала П. И. Залесского, в дореволюционной России «были две расы людей: “барин” и “мужик”. Барин — это не только тот, кто был у власти, не только помещик и богатый человек, а всякий *прилично одетый* человек и притом, конечно, грамотный. В противоположность ему мужик — крестьянин, рабочий, прислуга, всё это — темнота, среди которой читавший и писавший человек — редкость»². Согласно такому положению солдат в неписаной социальной иерархии Российской империи непременно происходил из «мужиков», офицер же по условию являлся «барином». В условиях кадровой армии субординация и жесткая дисциплина лишь маскировали эти очевидные сословные пережитки, придавая им видимость отношений, естественных для воинской среды. Не могли в принципе разрешить этой проблемы и усилия части офицеров, пытавшихся «подойти к солдату», строить отношения с подчиненными на разумных началах. С другой стороны, как отмечают историки, исследовавшие социально-психологический тип русского солдата, покорность и подчинение солдат командирам имели в своей основе черты типично крестьянского менталитета: сложившуюся в поколениях привычку безропотно переносить все тяготы и притеснения³.

С началом Первой мировой войны и проведением небывалой по масштабам мобилизации армия военного времени многократно возросла численно, но социальный состав нижних чинов изменился мало: в нем лишь несколько возросла крестьянская составляющая⁴.

¹ См.: *Гаркавенко Д.А.* Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма // *Революционное движение в русской армии в 1917 году.* М., 1981. С. 30–45.

² *Залесский П.* Грехи старой России и ее армии // *Философия войны.* М., 1995. С. 149.

³ См.: *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // *Отечественная история.* 2003. № 2. С. 72–86; *Поршнев О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 177.

⁴ В призывах 1914–1917 гг. доля крестьян превышала 66%. (См.: *Гаркавенко Д.А.* Указ. соч. С. 38.)

Присущий ей уровень культуры и образованности теперь определял качество российской вооруженной силы. Выходцы из среды крестьянства, на 80 % составлявшие массу гражданского населения и нижних чинов армии и флота, слабо усваивали сущность экономических и геополитических интересов государства. При этом стоит заметить, что подобное положение дел в области народных настроений не являлось совершенной неожиданностью и отмечалось прозорливыми современниками. Еще в 1910 г. князь В. С. Кочубей на страницах своей книги, посвященной проблемам национальной обороны, указывал на ненадежность в условиях большой войны массы российского населения, которая выразится в равнодушии к исходу вооруженной борьбы России с врагом, ибо большинство народа остается разобщенным в социальном, правовом и культурном отношении; исторически отчуждено от проблем и решений в области внешней политики⁵.

В реалиях мировой войны специфическая крестьянская ментальность ограничивала возможности понимания отвлеченных категорий мировой политики и государственной жизни. В сознании солдат-крестьян распадалась даже традиционная формула присяги «За Веру, Царя и Отечество». Отечество в восприятии русского крестьянина неизменно было связано с малой родиной — родной деревней, домом, хозяйством, семьей. Сражения же происходили на западных границах империи, в Закавказье и даже в Европе, вдали от родных мест, поэтому война и враг, в представлениях солдата, не могли угрожать его отечеству-дому в Центральной России, на Волге, в Сибири. Бесспорный, казалось бы, довод о необходимости защиты Отечества от вражеского нашествия все чаще наталкивался на наивную, но непреклонную крестьянскую отповедь: «Мы калуцкие (рязанские, вятские и т. п.), до нас германец не дойдет...»

Серьезную девальвацию испытывал до недавнего времени незыблемый, сакрализованный образ царя. Начало войны было воспринято широким общественным мнением как совершившийся факт, как данность, однако происхождение большой войны и преследуемые в ней цели массой российского населения так и остались непонятыми. В высочайшем манифесте о начале войны последовательно излагалась коллизия, связанная с австро-венгерским ультиматумом Сербии, российскими союзническими обязательствами и соответствующими

⁵ Кочубей В. С. Вооруженная Россия, ее боевые основы. Париж, 1910. С. 283–284.

ответными мерами, завершившимися мобилизацией и объявлением войны Германией. Однако, учитывая уровень гражданского сознания, культуры и образованности народных масс, трудно было рассчитывать на осмысленное и мотивированное отношение большинства населения к войне. Один из выдающихся российских военачальников Первой мировой войны А. А. Брусилов отмечал по этому поводу: «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война стряслась им на голову, — как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы, не знал почти никто, что такое славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать — было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, т. е. по капризу царя»⁶. Таким образом, фигура царя оставалась единственным явлением, объясняющим войну, выступая одновременно ее причиной и смыслом. В сознании самого массового участника войны — солдата — царь, будучи инициатором войны, становился ее заложником, и в дальнейшем разочарование и недовольство войной неизбежно разрушало авторитет императора и императорской власти.

Ежедневному испытанию на фронте подвергались христианские ценности солдата — вчерашнего крестьянина. Оказываясь в условиях опасности, ситуации непредсказуемой, не зависящей от воли и разума, люди склонны были искать защиты и поддержки у высших сил, что должно было выразиться в росте бытовой религиозности. Но жестокости и разрушительный характер военного конфликта Нового времени не вписывались и не могли найти в системе религиозной морали ни объяснения, ни оправдания. Впечатления от происходящего разрушали привычные представления, в которых антропоморфный бог правил миром в соответствии со своими заповедями. Характерный ход размышлений можно встретить в солдатских воспоминаниях. «Прибыл я на службу военную начетчиком священного писания и неплохим фанатиком верующим. В трудные минуты фронтовой жизни молился господу богу до одури. Война и жизнь начали вносить свои поправки, и я начал сомневаться в могуществе всевышнего бога. Что же он, всемогущий и всеведущий, без воли которого не упадет ни один волос в головы

⁶ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 69.

человека, в уме ли? Допускает, что сотнями тысяч гибнут люди. Во имя чего бьют их такими средствами, которыми не бьют ни одного зверя. В чем же дело?»⁷.

Солдата шокировала необходимость ежедневно переступать через основополагающие христианские заповеди: «Все наново переучиваю. Сказал господь, сын божий: “Не убий”, значит — бей, не жалей... Люби, мол, ближнего, как самого себя: значит — тяни у него корку последнюю. А не даст добром — руби топором...»⁸. Особенно волнует солдат мысль о греховности совершаемого и ответственности за это: «Грех аль нет?.. Почему я знаю, может, сотню али больше душ загубил... А как грех? На том свете начальство вперед себя не пустишь»⁹. Наконец, защита веры предполагала противостояние противнику-иноверцу, а необходимость сражаться с германцем-христианином неизменно вызывала недоумение, а порой и неприятие.

Разъяснительная работа, которую вели среди солдат командиры и священники, зачастую не достигала цели. А. И. Деникин склонен был объяснять неготовность офицеров к такой работе с нижними чинами существовавшей в старой армии установкой на недопустимость обсуждения любых политических вопросов в воинской среде¹⁰. Современные же исследователи указывают на то, что крестьянское сознание солдат было невосприимчиво к аргументации их более образованных начальников¹¹. В любом случае, офицер в глазах подчиненного являлся основным представителем государства — в сущности, чуждой и враждебной для солдата-крестьянина и солдата-рабочего силы. По мере же неблагоприятного развития военных событий, роста усталости и антивоенных настроений в солдатской массе офицер представлялся ей главным лицом, заинтересованным в продолжении войны.

Офицерский корпус военного времени приобрел социальный облик, заметно отличавшийся от довоенного. Прежняя кадровая основа сочеталась в нем с массовым пополнением, включавшим представителей всех образованных слоев общества. Полковник Генерального штаба А. А. Свечин, впоследствии известный советский военный ученый,

⁷ «Была бы справедливость, о большем и не мечтали». Воспоминания солдата Первой мировой войны // Исторический архив. 2007. № 4. С. 57.

⁸ Федорченко С.З. Народ на войне. М., 1990. С. 71.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. М., 1991. С. 98.

¹¹ См.: Поршнева О.С. Указ. соч. С. 178.

командовавший на фронте полком, давая высокую оценку большинству офицеров военного времени, рассматривал среди них несколько категорий. Наряду с прапорщиками из студентов и недавних гимназистов, хорошо образованных, отличавшихся храбростью и отвагой, он выделял группу, представленную воспитанниками учительских семинарий и народными учителями, более приспособленными и выносливыми, умевшими найти подход к крестьянину-солдату¹².

Манера поведения кадровых офицеров с солдатами особенно бросалась в глаза недавним резервистам. Один из них весной 1915 г. сообщает в письме: «Большинство кадровых офицеров держится от солдат особо и поговорить с солдатом запросто считает позором. Отдание чести даже теперь на первом месте»¹³. Демократичный стиль поведения офицеров-интеллигентов фактически противоречил традиционной для царской армии системе взаимоотношений между офицером и солдатом, в которой, например, немислимым явлением было рукопожатие между тем и другим. Такого рода вольности обычно вызывали со стороны начальства и большинства сослуживцев нарекания и упреки в панибратстве¹⁴. Тем не менее сама фронтовая жизнь требовала от младших офицеров строить свои отношения с солдатами рационально, соответственно условиям службы и реальной боевой работы. Несомненно, что часть офицерской молодежи не стремилась жестко следовать в русле сложившейся воинской этики, сознательно перенося в армейскую среду свои социальные опыт и манеры. Появление такого типа офицеров было отмечено и оценено солдатами. Рядовой-артиллерист вспоминал: «Батарея при формировании пополнилась офицерским составом. Прибавилось два прапорщика, два брата — москвичи, братья Щегляевы (сыновья профессора). Старшего из них звали Владимиром, оба они были совершенно другого склада люди. Владимир нас обучал, преподавал материальную часть орудий. На занятиях, если кого задел локтем руки, обязательно извинится. В одно время я встретился с ним и отдал честь. Он, поравнявшись со мной, взял от козырька мою руку, пожал ее и говорит: “Ну, давай договоримся, что если иду, нигде нет близко

¹² См.: *Свечин А.А.* Искусство вождения полка по опыту войны 1914–1918 гг. М., 2005. С. 82–86.

¹³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 130об.

¹⁴ См., напр.: *Герасимов М.Н.* Пробуждение. М., 1965. С. 145; *Оськин Д.* Записки прапорщика // Откровенные рассказы. М., 1998. С. 220–221.

офицеров, подходи и будем здороваться. Как равный, подаешь руку. Есть ли что читать?” “Да где, — говорю — ничего солдаты вообще не читают и где взять книг?” “Приходи ко мне в землянку, книги у меня есть, будешь брат. Читай!”»¹⁵. Весьма схожий пример мы встречаем в прокурорском представлении о прапорщике 184-го пехотного запасного полка Е. А. Петрове, подозреваемом в революционной агитации среди солдат. В нем говорится, что «Петров держал себя с нижними чинами очень просто, позволял садиться в свое присутствие, опускал руку тем, которые брали под козырек...»¹⁶. В конце 1916 г. Е. А. Петров привлекался к дознанию как обвиняемый в революционной пропаганде среди солдат 184-го пехотного запасного полка, при этом его принадлежности к социал-демократическим организациям выявлено не было.

Образы прежних, кадровых офицеров сохранились в памяти солдата в связи с совсем иным отношением: «Офицеры-помещики солдата не считают человеком. При отступлении от Ковно, при переправе через Неман был взорван мост. Генерал кричал: “Господа офицеры, спасайтесь”. А о солдатах выразился так, что этого навоза у нас хватит. Наш штабс-капитан Ростиславский своего вестового кроме как “говнюшка” не звал, наверное, не знал его имени и фамилии»¹⁷. Мнение о том, что офицеры кадровой службы «солдата не считают человеком» не может считаться частным. Интерес представляет дневниковая запись, младшего унтер-офицера Штукатурова, который после излечения в госпитале в июле 1915 г. отправлялся обратно на фронт. «Пришел комендант и стал осматривать тех, которые заявили, что у них недостает некоторых вещей. Комендант в чине штабс-капитана; рассердившись, стал ругать всех нас, ни к кому в частности не обращаясь. Зачем он на прощанье поселял злобу в сердцах солдат? Если бы видел это немецкий кайзер, он, вероятно, был бы ему премного благодарен... Все были обижены, слышались негодующие возгласы: “Вот как нас понимают, хуже собак нас считают, зачем нас калечат, и т. п.”»¹⁸. Таким образом, стереотип отношения к солдату как к расходному материалу

¹⁵ «Была бы справедливость, о большем и не мечтали»... С. 57.

¹⁶ Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 — февраль 1917 г. М., 1966. С. 235–236.

¹⁷ «Была бы справедливость, о большем и не мечтали»... С. 57.

¹⁸ Дневник Штукатурова // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. Вып. 1. М., 1919. С. 141.

войны и неразумной субстанции, требующей лишь властного нажима, был достаточно распространен. Сложившийся как его зеркальное отражение стереотип «офицера-помещика» вызывал постоянно копившуюся ответную неприязнь, вылившуюся в 1917 г. в бурю солдатской ненависти.

Особой категорией А. А. Свечин считал прапорщиков, произведенных из фельдфебелей и унтер-офицеров за боевые отличия. Прекрасные боевые командиры, близкие по выучке и служебному опыту к кадровым офицерам, они, тем не менее, гораздо труднее находили общий язык с солдатами, которые продолжали в них видеть «своих» и не воспринимали в качестве «благородий». Такое положение преодолевалось лишь дополнительной требовательностью и жесткостью с подчиненными. «Для них, — по словам Свечина, — дорога в офицеры лежала через резкий разрыв со своим классом». К началу 1917 г., когда брожение в войсках заметно усилилось, именно такие офицеры вызывали особое раздражение в солдатской массе¹⁹.

Фактором, усугублявшим неприязнь солдат к своим командирам, следует считать и низкие профессиональные и моральные качества последних. Слишком распространенные примеры некомпетентности, трусости и лени среди офицеров были очевидны для их подчиненных и дорого обходились в боевой обстановке. Тот же унтер-офицер Штукатуров, погибший в декабре 1915 г., записал в дневнике: «Из виденного и пережитого мной за последнее время приходится сделать заключение, что главное горе наше происходит от того, что мало хороших, преданных делу офицеров»²⁰.

Отмеченные характерные черты взаимоотношений офицеров с нижними чинами все же неверно было бы формально разграничивать по принадлежности к категориям офицерского состава, сложившимся во время войны. По данному принципу противостояли не кадровые офицеры офицерам военного времени, а способные неспособным; разумный демократизм, чувство такта в сочетании с требовательностью и компетентностью противостояли панибратству и беспомощному заискиванию либо, напротив, чванству, показной строгости и бессмысленной жестокости. В каждом конкретном случае эти черты зависели от индивидуальных представлений офицера о правильных отношениях с подчиненными и сослуживцами, умения и желания их строить, от его профессионального,

¹⁹ См.: *Свечин А. А.* Указ. соч. С. 94–98.

²⁰ Дневник Штукатурова. С. 165.

культурного, нравственного уровня. Очевидец отмечал, например, что рукоприкладство было более свойственно именно прапорщикам, так как некоторые пытались «поставить» таким образом себя среди фронтовиков²¹. Во фронтовых условиях, однако, этот сомнительный способ самоутверждения становился далеко небезопасен. В воспоминаниях описан случай, когда молодой прапорщик отвесил по оплеухе рядовым, не отдавшим вовремя честь. Через несколько дней эти солдаты, назначенные на артиллерийский наблюдательный пункт на передовой под началом своего обидчика, расстреляли его, представив дело, как будто офицер был убит немцами по собственной неосторожности²².

Значительные изменения в военные годы претерпел политический облик офицерства. Массовое пополнение принесло в его среду свой политический опыт и настроения. Влившись в его ряды многочисленные представители земской интеллигенции являлись носителями либеральных и умеренно левых взглядов. К 1917 г. в армии находилось немало участников революционного движения, членов политических партий и лиц, им сочувствовавших. Само их присутствие в войсках влияло на солдатскую и офицерскую массу, способствуя пропаганде левых взглядов и распространению оппозиционных настроений, хотя масштабы этой деятельности до февраля 1917 г. не следует преувеличивать. Во фронтовых условиях она чаще всего сводилась к беседам с солдатами, при которых следовало соблюдать известную осторожность. Образ действий и высказываний офицеров привлекал внимание охранных органов. В секретных донесениях жандармских управлений в Департамент полиции неоднократно отмечалось, что «большую роль в агитации среди солдат играют прапорщики-студенты»²³. А. А. Свечин характеризовал офицерское пополнение из среды интеллигенции, пришедшее в его полк, как преимущественно социалистически настроенное, но не видел в этом проблемы для себя как командира, так как в оценке качеств офицера в боевой обстановке на первый план выступало честное и профессиональное исполнение своих обязанностей²⁴. Участие в общем деле защиты Отечества до поры объединяло людей самых несхожих взглядов.

²¹ См.: Герасимов М. Н. Указ. соч. С. 93.

²² См.: «Была бы справедливость, о большем и не мечтали»... С. 60–61.

²³ Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. С. 190–191.

²⁴ Свечин А. А. Указ. соч. С. 86–87.

Политизации офицерского корпуса куда более способствовали сам ход военных событий и развитие общественной ситуации в России, нежели работа политических партий. Взгляды офицерства, как и большинство населения, воспринимавшего политическую жизнь на уровне примитивных, обыденных стереотипов и штампов, изменялись под влиянием сложной и динамичной обстановки. Важнейшим фактором, определившим рост оппозиционных настроений в офицерской среде, как и в обществе в целом, являлись военные неудачи России, временно сублимировавшие прочие ее проблемы. Попытки объяснить их неминуемо вели не столько к поиску причин происходящего, сколько к поиску виновных. Вина за неготовность страны к войне, слабости ее вооруженной силы, отсталость экономики и недостатки культурного развития закономерно возлагалась на политическое руководство страны и высшее военное командование. Далекий, в принципе, от политической борьбы и интересов А. А. Брусилов так обозначил общий фон настроений офицерства: «Можно сказать, что офицерский корпус и вся та интеллигенция, которая находилась в составе армии, были настроены по отношению к правительству в высшей степени враждебно»²⁵. Различия во мнениях наблюдались по линии оценок значения самодержавного порядка и степени личной ответственности за происходящее монарха. Наиболее прагматичная и не связанная монархическими иллюзиями часть армейской элиты способна была продвинуться в своих рассуждениях дальше. Подполковник Генерального штаба А. И. Верховский в начале 1917 г. записал в дневнике: «Всем очевидно, что главная причина, почему мы не победили до сих пор, это самодержавный строй, убивающий всякую самодеятельность в стране и дающий армии так много неудовлетворительных людей среди командного состава. Все это сознают, все об этом говорят и... на этом все стоит»²⁶.

Критика правящих кругов к тому моменту стала обычным явлением для армии как в тылу, так и на фронте. А. И. Деникин приводит слова некоего видного деятеля Земгора, который впервые побывал в армии в 1916 г.: «Я был крайне поражен... с какой свободой всюду, в воинских частях, в офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т. д., говорят о негодности правительства, о придворной

²⁵ Брусилов А. А. Указ. соч. С 201.

²⁶ Верховский А. И. Россия на Голгофе // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 31.

грязи»²⁷. В конце 1916 г., когда непопулярность правительства достигла пика, взоры офицерства все более обращались к его главному легальному критику — Государственной думе. Гнев, обращенный к властям, и ожидания, связанные с Думой и думскими политиками, звучали в офицерских письмах с фронта: «А наше правительство и в ус не дует, оно делает не как лучше для народа, а как выгодно лично для себя... Волосы дыбом становятся от слухов, и все верят, потому что не созывают Думу, говорят, умышленно не созывают. Все удивляются на терпение в тылу»²⁸.

Тем не менее рост конфронтационных настроений среди солдат и офицеров развивался в значительной мере изолированно, в каждом случае по своим законам и причинам. Очевидцы отмечали, что солдатская масса была безучастна как к официальной, так и к оппозиционной пропаганде, откликаясь на нее лишь, поскольку та могла оказаться созвучна их повседневному интересам и чаяниям. Это обстоятельство отмечал ветеран социалистического движения, впоследствии крупный советский ученый, академик С. Г. Струмилин, который в чине прапорщика командовал ротой 432-го Ямбургского полка на Северном фронте: «Нетрудно было намекнуть, что и русские помещики сухомлиновы и мясоедовы не лучше немецких баронов, что немало у нас врагов и в собственной стране... Но гораздо труднее было проверить, в какой мере такие недосказанные мысли доходят по назначению, усваиваются и перевариваются в собственные выводы»²⁹. Даже оппозиционность и протест против существующих общественных и политических порядков не стали основой для сближения солдат и офицеров. В отношениях между ними продолжали преобладать недоверие и рознь, получившие новый виток развития с началом революционных событий 1917 г.

Принято считать, что начало разрушению тех основ, на которых держался традиционный порядок старой армии, положила Февральская революция. Между тем она лишь ускорила процесс разложения и распада вооруженных сил, в основе которого лежал один из острейших социальных конфликтов России, развивавшихся по линии солдаты—офицеры. «Между нами и ними — пропасть, которую нельзя

²⁷ Деникин А. И. Указ. соч. Т. 1. С. 106.

²⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 79. Л. 70об.

²⁹ Струмилин С. Г. Из пережитого (1897–1917 гг.) // Воспоминания и публицистика. М., 1968. С. 170.

перешагнуть, — писал родным с фронта один из офицеров в марте 1917 г. — Как бы они ни относились лично к отдельным офицерам, мы остаемся в их глазах барами. Когда мы говорим о народе, мы разумеем нацию, когда они говорят о нем, то разумеют демократические низы... В них говорят невымещенные обиды веков»³⁰.

Те великие испытания, которые приняла на себя Россия в годы Первой мировой войны, не послужили консолидации тогдашнего российского общества. Свойственные ему проблемы и противоречия с особой остротой дали о себе знать в таком специфическом социальном пространстве, каким являлась армия военного времени. В условиях прогрессирующего общественно-политического кризиса она становилась мощнейшим фактором социальной нестабильности и с избытком подготовила человеческий материал для будущего гражданского столкновения. Офицерский состав и солдатские массы выступили в качестве наиболее значимых социальных групп, чье противостояние предопределило черты надвигавшегося гражданского конфликта.

³⁰ Из офицерских писем с фронта в 1917 г. // Красный архив. 1932. № 1–2 (50–51). С. 200.